Беседа Соломона Волкова в Нью-Йорке с Виктором Топаллером

Соломон Моисеевич Волков

SHOUT
SHARE
IT

- Беседа Соломона Волкова в Нью-Йорке с Виктором Топаллером

Беседа Соломона Волкова в Нью-Йорке с Виктором Топаллером

Топаллер: Добрый вечер, дорогие друзья. Вот прошла еще одна неделя, и мы с вами снова встречаемся. Как и всегда я этому обстоятельству очень рад. Когда говорят, что среди наших эмигрантов очень много известных, по-настоящему состоявшихся личностей, это, извините, чистой воды вранье. Людей, которые действительно состоялись и которые хорошо известны и на Западе, и в России, на самом деле единицы, максимум десятки. Сегодня человек, который, безусловно, относится к этим единицам, к этим десяткам, у нас в гостях. Соломон Волков. Соломон, добрый вечер.

Волков: Добрый вечер. Спасибо на добром слове.

Топаллер: Какое там доброе слово! Это, что называется, «не к вам»… Я вашу фамилию в первый раз в конце 70-х увидел в «Литературной газете», где и прочитал, что вы негодяй, мерзавец, подонок…

Волков: Вы забыли — еще «клоп».

Топаллер: Ах, да! Извините. Я тогда еще был очень молодой человек и меня удивило это сочетание: с одной стороны — Соломон, с другой стороны — Волков, и при этом еще и негодяй, который оболгал нашего великого композитора…

Волков: Что касается Волкова, то должен сказать, что это совершенно еврейская фамилия. Как и Поляков. Бывают такие еврейские фамилии.

Топаллер: Когда вас анафеме предали? Какой год?

Волков: 79-ый. Здесь вышли мемуары Шостаковича, которые я записал, вывез на Запад с разрешения композитора и опубликовал.

Топаллер: По этой книге даже фильм поставили?

Волков: Да, в Англии сняли полнометражный художественный фильм. Бен Кингсли, который прославился своим исполнением Ганди и получил за это «Оскара», играл Шостаковича. И он так нервничал, когда снимался фильм, что вытребовал меня из Нью-Йорка. Он хотел, чтобы я держал его за руку и говорил, что он похож на Шостаковича. А он действительно был дико похож на Шостаковича! Но еще больше меня потряс в этом фильме актер, который играл Сталина. Когда я его первый раз увидел, то у меня мурашки прошли по коже, я испугался, я действительно испугался. Это была абсолютная

копия. Он, кстати, английский актер, который сейчас живет в Нью-Йорке, довольно известный. И он был страшно доволен, когда увидел, что я побледнел. И сказал: «Большего комплимента мне не нужно».

Топаллер: Соломон, а это правда, что Шостакович вам сам позвонил, когда вам было всего 16 лет?

Волков: Нет, это не совсем так произошло. Действительно, когда мне было 16, я напечатал рецензию в ленинградской газете на премьеру его восьмого квартета. А он все читал о себе. И поэтому, когда нас вскоре после этого познакомили на одном из концертов, он уже знал мою фамилию и сказал пару любезных слов. Он никогда не делал, между прочим, вида, что он не читает рецензии о себе, в отличие от многих знаменитостей, которые изображают из себя этаких снобов: «Ой, я никогда не читаю о себе рецензии!» Ерунда. Читают все, только одни в этом признаются, а другие нет. Он этого не стеснялся. И с этого как бы начались наши отношения, мне было 16, а ему 54, кажется… Кстати, он тогда был моложе, чем я сейчас. Мне, естественно, казался стариком.

Топаллер: Я помню эти жуткие статьи о вас… Общий смысл такой: «Пасквиль на великого композитора, который на самом деле очень любил советскую власть, который никогда в жизни не мог говорить такие гадостей… Мерзкий еврей, втершийся к нему в доверие, оболгал, извратил, надругался…» Соломон, он действительно ненавидел все, что происходило вокруг? Со стороны он не казался человеком, имеющим время и силы на проявление эмоций по отношению к советской власти. Мне казалось, что он живет в каком-то своем, совершенно отдельном, гениальном мире. Как Бродский. Со стороны, во всяком случае, так казалось…

Волков: Он был очень, что называется, социальным человеком. Сталина и сталинизм ненавидел глубочайшим образом. Шостакович принадлежал к избранному кругу людей, которые со Сталиным имели дело непосредственно, лично. То есть, он встречался с ним. Кстати, был, наверно, из считанейших людей, которые осмелились в лицо Сталину противоречить. И вот тут заложен парадокс. Шостакович производил впечатление человека чрезвычайно пугливого, напуганного навсегда. И был таковым. Но один из его друзей, уже после смерти Шостаковича, сказал совершенно справедливо, что лучшей эпитафией Шостаковичу на могилу были бы следующие слова: «Здесь лежит человек, который не боялся Сталина, но боялся управдома». Действительно, управдома он мог бояться, потому что в бытовом отношении был человеком крайне беспомощным. Обязательно

ему должны были напомнить, что нужно, например, сходить купить продукты. Он был очень неприхотливый в еде, в привычках, во всем… Но в больших вопросах был необычайно принципиальным, стойким. Все такие слова-клише как раз в данном случае таковыми не являются. Я знал другого замечательного композитора, Арама Ильича Хачатуряна, жизнь которого, практически поломала партийная травля, знаменитое постановление 48-го года против композиторов-формалистов Шостаковича, Прокофьева и Хачатуряна. После этого он мог только приходить домой и плакать в подушку. И мне Хачатурян говорил с такой белой завистью и преклонением: «А Шостакович приходил после этих всех страшных заседаний домой и сочинял гениальную музыку!» Это был абсолютно железный, неприспособленный к жизни внешне человек, но в творческих вопросах — сталь. И вот тут столкнулись эти двое. Сталин и Шостакович. Каждый по-своему грандиозная личность. Один был гений злодейства, другой — гений творчества. И между ними происходила дуэль. Один пытался другого скрутить в бараний рог.

Топаллер: А тот не скручивался.

Волков: А тот не только не скручивался, но наоборот даже как бы раскручивался под этим давлением. Он и в 36-ом году, когда его Сталин пытался зарубить, писал свою лучшую музыку. И то же самое произошло в 48-ом.

Топаллер: Соломон, а если бы не появилась в жизни шестнадцатилетнего мальчика магическая фигура гениального Шостаковича, все сложилось бы по-другому? Скрипач, о котором Владимир Спиваков говорит добрые слова и делает комплименты до сих пор, не изменил бы музыке, играл бы себе на скрипочке, как каждый уважающий себя еврей, и не ушел бы в литературу? Или все равно ушел бы?

Волков: Наверно, ушел бы, но Шостакович, конечно, в этом смысле, был решающей фигурой. У меня несколько было людей, которые оказали такое решающее воздействие на все мое существование. Ахматова, Шостакович, Бродский…

Топаллер: Я думаю, что многие наши телезрители знают, как ваш квартет приехал играть на дачу к Ахматовой… По-моему, Довлатов написал, как она в конце сказала: «Я только боялась, что это когда-нибудь кончится». Еще одна гениальная женщина, еще одна гениальная личность, которую вам посчастливилось встретить в жизни. Есть какие-то особые ощущения, абсолютно человеческие, о которых вы не писали? Для меня Ахматова — это всегда картина Альтмана…

Волков: Вся в углах.

Топаллер: Да, вся в углах…

Волков: А вы знаете, мне с ней как раз было проще, чем с любым из гениев, с которыми судьба меня столкнула. И по простым очень причинам. Она была женщина, а я был молоденький мальчик. Ей было приятно, что я гляжу на нее влюбленными глазами.